

*Мария
Арбатова*

НЕДЕЛЯ НА МАНХЭТТЕНЕ

Травелоги. Дневник путешественника

Мария Арбатова
Неделя на Манхэттене

«ФТМ»

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2рос=Рус)6-44

Арбатова М. И.

Неделя на Манхэттене / М. И. Арбатова — «ФТМ», «АСТ»,
2017 — (Травелоги. Дневник путешественника)

ISBN 978-5-17-102382-9

Новая книга известной писательницы и общественной деятельницы Марии Арбатовой о неделе, проведённой в Нью-Йорке, и осмыслении разницы между придуманной и реальной Америкой. «Говоря языком советской хиппи, поездка дала мне „фейсом об тейбл“...

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102382-9

© Арбатова М. И., 2017
© ФТМ, 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	6
День первый	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мария Арбатова

Неделя на Манхэттене

© М.И. Арбатова, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

Предисловие

Америку мне открыл кинофильм «Цирк». Сквозь линзу телевизора «КВН» она выглядела иррациональной силой, ополчившейся на крохотного негритёнка; и, засыпая после просмотра, я, как миллионы советских дошкольников, строила планы спасения негритёнка от «америки». Маман пересматривала фильм сто раз по другой причине – когда Любовь Орлова с «американским акцентом» пела «Спи, мой беби, свадко, свадко...», негритёнка передавали из рук в руки, и каждый представитель союзной республики повторял колыбельный куплет на родном языке.

До 1940 года на языке идиш в стране преподавали в школах, техникумах и играли в театрах, и потому Народный артист СССР Соломон Михоэлс пел негритёнку куплет на идиш. Однако после убийства Михоэлса по личному распоряжению Сталина куплет изъяли, а в оттепель снова вернули в фильм, и маман подчёркивала это каждый раз. Она, как и большинство советских людей, не ведала, что Михоэлс отправил Сталину письмо с просьбой организовать еврейскую автономию в Крыму, откуда евреи когда-то начали путь в Россию.

Письмо подписали поэт Исаак Фефер и литературный критик Шахно Эпштейн. Сталину идея не понравилась – Шахно Эпштейну повезло умереть до массовой расправы над членами Еврейского Антифашистского комитета, а Исаака Фефера пытали и расстреляли. Вместо Крыма Сталин отправил евреев создавать автономию в Приамурье со среднезимней температурой минус 23 градуса. И потому доля евреев составляла там крошечный процент, и каждый раз было очень сложно найти на должность первого секретаря обкома партии человека с еврейской фамилией.

Будучи внучкой одного из основателей сионизма в России – Йосефа Айзенштадта, маман старалась не знать, что её дед принимал участие в учреждении объединения «Хиббат Цион» («Любовь к Сиону») на съезде палестинофилов в Катовице в 1884 году. Съехавшись из Англии, Германии, Румынии, Франции и России, именно члены «Хиббат Циона» наметили еврейскую колонизацию Палестины. И слово «колонизация» здесь ключевое.

У моего отца еврейский сюжет в фильме «Цирк» эмоций не вызывал. Родившись в Рязанской губернии, он увидел первого еврея, только поступив в знаменитый ИФЛИ – Институт философии, литературы и истории, созданный в 1931 году на базе гуманитарных факультетов МГУ. А расстрелами и цензурой его было не удивить – за год до моего рождения прошёл XX-й съезд партии. Узнав, что учебники, по которым он обучал курсантов марксистской философии, будут переписаны, отец хотел застрелиться, и маман спрятала его пистолет.

Идея спасения негритёнка от «америки» владела мной до конца восьмого класса, я даже читала со школьной сцены собственный обличительный стих про Ричарда Никсона. В сочетании с нереально короткой юбкой стих должен был произвести впечатление на красивого туповатого старшеклассника. Но старшекласснику показалось, что я заигрываю не с ним, а с комсомольской верхушкой школы, хотя в комсомол я не вступала по принципиальным соображениям. Идеологическое уже тогда побеждало во мне сексуальное, и старшеклассник исчез из сферы моих интересов.

К тому же я была так озабочена арестом Анжелы Дэвис, что по собственной инициативе собирала в школе подписи за её освобождение. Видимо, она актуализировала во мне образ негритёнка из кинофильма «Цирк». И одноклассники, недоумевая, целый год дразнили меня «Анжелой» с ударением на первом слоге, и сохранилась фотка подружки Оли Чичиной с подписью «Анжеле от Пусикет».

Мы с Олей были главными красавицами класса, но я неотвратимо двигалась в сторону «Анжелы», а она – в сторону «Пусикет». Оля украшала холодильник переводными картинками с очень американскими блондинками, и мне это казалось странным. Потому что в нашей квар-

тире «портреты девушек» исчерпывались Индирой Ганди, вырезанной из журнала, и это удивляло Олю. В результате она вышла замуж за гражданина Франции, чтобы жить в Бельгии; а я – за гражданина Индии, чтобы жить в России.

В девятом классе мы вместе поступили в Школу Юного Журналиста, где известный ныне спортивный журналист Владимир Гескин, а в те времена неизвестный и неспортивный студент журфака делал вид, что учит нас радиожурналистике. И если я впоследствии вела правозащитную радиопрограмму «Право быть собой», на которой и познакомилась с нынешним мужем, обсуждая индийскую демократию, то Оле радиожурналистика не пригодилась.

Школа Юного Журналиста располагалась в здании журфака МГУ, а памятник Ломоносову был культовым местом центровых хиппи. Основатель университета сидел в бронзовых бриджах и бронзовых чулках, а хипповские сборища возле него назывались «встретиться у голоногого». То есть вхождением в «Систему», которая, говоря нынешним языком, была «массовой протестной гражданской инициативой» под руководством Юрия Буракова по кличке Юра Солнышко, я обязана именно Ломоносову.

Солнышко был хорош собою – длинноволос, высок, худ, русоволос, зеленоглаз и глубоко пронаркоманен. Ленточка на волосах означала, «чтоб не снесло крышу», но крышу давно не держала. Он бесконечно напоминал окружению, кто здесь главный, ежедневно обещал дать в морду сомневающимся, хотя при мне так никому и не дал. Свиту его составляли обаятельные маргиналы с кликухами Инерция, Голубь, Страшила, Человек-гора, Леви, Барон, Красноштан...

Сейчас понятно, что в большинстве своём они состояли осведомителями, иначе бы сидели за наркоту, фарцовку и мошенничество, а не разгуливали, мутно зарабатывая на жизнь, прожигая дни по флэтам, раскуривая косяки, слушая западную музыку, читая стихи и болтая об искусстве. Любимой темой в отсутствие Солнышка было обсуждение – стучит он или нет? Правды не знал и не хотел знать никто.

В присутствии Солнышка все смотрели ему в рот, воспринимая его не столько лидером хиппи, сколько паханом с непререкаемым авторитетом. Структура «Системы» казалась единственно возможной и не проростала снизу никакой демократией. Другой вопрос, что, пройдя со временем через четыре вполне либеральные политические партии и будучи в двух из них вторым лицом, я не обнаружила в там особой разницы с «Системой».

Хиппование подразумевало «аморальный американский образ жизни» в «аморальной форме одежды» – распущенные волосы, фенечки с этническими элементами, английские надписи на джинсах и тряпочных сумках. Перечисленное считалось в СССР злостным нарушением общественного порядка и поводом для задержания милицией.

Денег на настоящие джинсы не было, и я, как все хиппующие подростки, вываривала польские джинсы из «Детского мира» в крепком растворе уксуса до линялой американистости. Но милицкий наряд не дифференцировал американские и польские джинсы – подъезжая к кучкующейся хипне, сгребал всех в один уазик, а в отделении индивидуально работал с каждым. Но это был не период планомерной ликвидации «Системы», а «бесконтактное карате». Например, мент тебе – завтра пошлю бумагу в школу (институт, университет) и вышибут тебя оттуда с треском; а ты ему – назовите состав преступления, по которому я задержана, буду жаловаться в вышестоящие инстанции.

Не фарцующего и не сидящего на наркоте, милиция пыталась «брать на понт». Девушек вызывали в отдельный кабинет, грозили изнасиловать или «впаять срок за проституцию». И тогда «по внутренней хипповской инструкции» надо было, глядя в глаза, объявлять:

– Вы не имеете права приглашать несовершеннолетнюю в кабинет без инспектора по делам несовершеннолетних! Вы хотите приставать ко мне? Я сейчас же напишу заявление об этом!

Срок за изнасилование несовершеннолетних в СССР давали внушительный, мент летел распахивать дверь и переключался на душевспасительную беседу о моральном облике комсомолки. При этом они совершенно не понимали, что с нами делать, и не догоняли, что мы имеем в виду. Если диссиденты презентовались монологами о недостатках социализма, то мы несли пургу про мир во всём мире, свободную любовь и спасение планеты. В ментовском понимании это выглядело как «мир, труд, май», и они изо всех сил пытались понять, почему ж мы так несуразно одеты?

Но мы отказывались переодеваться – одежда была важнейшей формой протеста против социализма, ходили даже слухи, что центровые хиппи устраивали гольшом на «Марш любви». Это выглядело ремейком общества «Долой стыд!», освобождавшегося в начале прошлого века от «царской морали и буржуазных предрассудков». И советская милиция не трогала членов общества «Долой стыд!», маршировавших в 1925 году по московским и питерским улицам в одной обуви и лентах с надписью: «Стыд – это буржуазный предрассудок!»

Надеюсь, в кагэбешных архивах сохранились документы хипповского «Марша любви», но я так и не увидела ни одного его участника или свидетеля. Тем более что легендирование было главной питательной средой «Системы», любая информация принималась на веру, а сомневаться считалось неприличным. Все делали вид, что в теме – информированность означала степень близости «ко двору». Позже я с изумлением обнаружила этот идиотский стиль в большой политике.

Помимо легенды о «Марше любви», из уст в уста передавалась история выступления против войны во Вьетнаме. В 1971 году американские хиппи начали протестовать против войны во Вьетнаме. Получалось, что они заодно с советской пропагандистской машиной, и это путало карты, ведь «Система» была антисоветской. Никто до конца не понял, был Солнышко Иваном Сусаниным, попом Гапоном, активным стукачом или доверчивым дураком, но все знали, что наркоман – лёгкая добыча для КГБ.

1 июня 1971 года хиппи собрались в культовых местах, а основной контингент – человек сто-двести – набился во дворик у «голоногого» Ломоносова. Облик собравшихся дополняли самопальные плакаты с пацифистской «куриной лапкой» и надписями «Yankee go home!», «Make love, not war». Ожидая команды к выступлению, войско свободы топталось «у голоногого», но ровно в двенадцать дня распахнулись намертво закрытые чугунные ворота перед журфаком, и во двор метнулись три автобуса с милицией. Хиппи были окружены, затолканы внутрь и развезены по отделениям.

Кто-то получил «комсомольскую путёвку» в тюрьму за тунеядство, кто-то в армию, кто-то в психушку, кто-то на отчисление из вуза, кто-то на увольнение с работы. У кого-то нашлись заступники и деньги на взятки, у кого-то не нашлись, совсем не пострадал только Юра Солнышко. Когда я девятиклассницей пришла в «Систему», она зализывала раны.

Горстки лохматых «американских пособников» топтались в «Трубе» – подземном переходе от «Националя» к Красной площади; «на Пушки» – возле памятника Пушкину; на «Маяке» – у памятника Маяковскому; у «голоногого» и перед кафешками «Московское» и «Космос». Как говаривал мой дружок хипповской юности режиссёр Борис Юхананов: «Со Стрита на Квадрат, а с квадрата на Стрит – вам это что-нибудь говорит?»

Солнышко мешал наркоту с алкоголем, и, когда «в крови кончались колёса» выдавал приступы агрессии. Обсуждать состояние его здоровья и интеллекта внутри хипповской «Системы» запрещалось так же жёстко, как обсуждать состояние здоровья и интеллекта Брежнева внутри советской системы. Я периодически попадала Солнышку под раздачу за слишком длинный язык, но под раздачу попадали и более взрослые хиппи. При этом недовольства, оппозиции и претендентов на лидерство в «Системе» не возникало.

Во-первых, никто толком не понимал, как она устроена и где её границы; во-вторых, всем хотелось иметь среду, слушать запрещённую музыку, читать ротапринты запрещённых книг,

мотаться по стране автостопом и останавливаться у хиппи в других городах. Это вполне заменяло декларируемое желание вернуться в первозданный мир с помощью любви и пацифизма. К тому же Солнышко был молодёжной суперзвездой, и каждый иногородний хиппи мечтал увидеть его живьём.

Центровую золотую молодёжь в «Системе» разбавляли те, кого теперь называют «гопниками», тогда называли «урлой», а особо начитанные хиппи – «морлоками». И, подрулив в культовом месте к горстке социально близких, иногородний морлок небрежно спрашивал:

– Чё, чуваки, Солнце будет?

И ему отвечали, мол, ждём, или, мол, «безмазовый день». Это означало, что иногородний допущен к диалогу и может «нааскать на ботл» или «нааскать сигарет», чтобы рассчитывать на продолжение диалога и право вписаться на какой-нибудь «волосатый флэт». Поскольку хиппи лепили себя с американских коллег, то изъяснялись исключительно «на американском языке».

Состоял он из перлов типа: «хайер» – длинные волосы; «ксивник» – сумка с документами; «фак-сейшен» – квартира, где можно устроить групповуху; «бёздник» – день рождения; «нааскать» – наклеить; бессмертные «лайф не в кайф» и «кейсом по фейсу, а фейсом об тейбл» и т. п. Но если американские хиппи бунтовали против «общества потребления», то мы, повторяя их речёвки, жили в условиях «выбрасывания на прилавки и доставания по блату» всего – от лекарств до туалетной бумаги.

И если американские хипповские коммуны состояли из самоорганизованных компаний, захвативших пустующие дома, то наша «Система» расплзлась по «государственным флэтам» – дворничьим и котельным. И подразумеваемая «вписку» любого одетого «в форму» на ночёвку, жила, как и всё советское общество, по табели о рангах.

В моём распоряжении были две дедовские комнаты на Арбате, из-за которых и сложилась кликуха «Маша с Арбата, Маша Арбатова». Но, владея «центровым флэтом», я осторожничала с правилами «вписки». Во-первых, соседи немедленно вызывали милицию. Во-вторых, после каждого визита легендарного Красноштана, исчезала ценная книга. Он был мошенником-виртуозом – отследить момент перемещения книги в его жирное подбрюшье не получилось ни разу.

А о приглашении Солнышка я и не думала, хотя с точки зрения хипповского статуса это означало большую звезду на погонах. Но было ясно, что Солнышко установит на моей территории свой порядок. И приходилось проявлять чудеса дипломатии, чтоб, оставаясь в «Системе», открывать двери тем, кого выбрала сама, а не тем, кого выбрала для этого «Система».

Вокруг главной звезды хипповской «солнечной системы», многократно лежавшей в психушках, вращались самостоятельные планеты – художники, литераторы, музыканты и сидящие на документах «выезжанты», предпочитавшие суете в свите Солнышка выверенную дистанцию.

Они, как старшие родственники, брали на себя функции воспитания и социализации молодняка, защищали, если кто-то тянул к девчонкам лапы или убеждал попробовать наркоты. И рассказывали малолеткам, что Америка – «город Солнца», ведь тамошних хиппи никто не волочёт за волосы в ментовской уазик, не грозит выслать за сто первый километр и не бьёт по почкам на цементном полу.

Моя подруга тесно общалась с Юрой Солнышко и даже носила маме-редакторше его графоманский роман «Бегство». При всей своей асоциальности Солнышко надеялся опубликовать его в толстом государственном журнале. Подруга говорила, что к этому моменту у него была язвенная стадия сифилиса, но то ли он не желал лечиться, то ли антибиотики уже не срабатывали в убитом наркотой организме.

В «Системе» практиковалось два подхода к расширению сознания. Одни ставили на стол во время вечеринки тарелку с таблетками, экспериментировали и быстро умирали от передоза. Другие расширяли сознание ротапринтными, а то и рукописными кусками текстов Каста-

неды; добавляли к этому неумелые йоговские позы, занятия «приблизительно индийскими» танцами, самопальным тантрическим сексом и тому подобным. Инстинкт самосохранения подтолкнул меня ко вторым, посему я пишу эти строки, а не лежу на Востряковском кладбище.

С неаккуратных ротапринтных страниц до нас долетали аккорды западной психоделической революции, обращённой к традициям индейцев, использовавших галлюциногены. Но если выговаривание имени Кастанеды было пропуском в высоколобую дискуссию, то о Грофе мы вовсе не слышали. Как и о том, что предки индейцев переселились на соседнее полушарие из Северо-Восточной Азии через Беринговский мост, исчезнувший в Беринговом проливе больше 12 000 лет назад.

Но даже зная, что прародина индейцев Алтай; что они родня наших чукчей и коряков, мы ни за что не поехали бы туда расширять сознание. Потому что индейцев сочинили себе с помощью кинопрокатного секс-символа – югослава Гойко Митича. И информацию о свободе и расширении сознания готовы были получать только от «очень хиппующего очень американского американца в очень американских джинсах».

Мы старались быть похожими на этого «очень хиппующего очень американского американца», нас было видно за версту не только по патлатости, фенечкам, бахромке и бусинкам – мы иначе двигались, смотрели и говорили, вызывая ужас, зависть и ненависть. И я благодарна «Системе» за навык говорить и делать только, то, что думаю. И благодарна Америке за то, что она сконструировала хиппи, которым мы подражали, не подозревая, что, хиппуя в СССР, прилагали в сто раз больше усилий, чем наши американские коллеги. То есть были в сто раз свободней, чем они.

Отхипповав, поучившись на философском МГУ, уйдя на отделение драматургии Литературного института и родив сыновей, я попала в клубную жизнь расписного буфета Центрального Дома Литераторов. Эта жизнь, грубо оборванная в девяностые, была цеховой средой, возвращающей молодых литераторов. Великие запросто присаживались к нам за столик с чашкой кофе за 15 копеек и образовывали нас ярче и щедрее, чем профессора МГУ и Литинститут, вместе взятые.

В расписном буфете можно было запросто пообщаться с Павлом Григорьевичем Антокольским и Арсением Александровичем Тарковским; а шестидесятники болели звёздной болезнью и презрительно пробегали в ресторан Дубового зала, на который у нас не было денег. Однажды в буфетном застолье, где литераторши пили кофе под бутерброды с заветренным сыром, а литераторы закусывали водку селёдкой на чёрном хлебе, появился высокий очень смуглый и очень кудрявый парень. Он, как литераторши, пил кофе под бутерброд с сыром и хохотал так, что согревал несколько кубометров воздуха вокруг столика.

Небесный диспетчер осуществил мою детскую мечту познакомиться с негрятёнком из кинофильма «Цирк», чтоб «защитить его», хотя защищать было не от кого – в ЦДЛ не существовало человека, не обожавшего Джеймса Паттерсона. Знакомясь, он представлялся Джимом, и любимой шуткой пьяных литераторов было зависнуть над его столиком и пророкотать: «Дай, Джим, на счастье лапу мне! Такую лапу не видал я сроду!» И каждый раз он хохотал шутке, как свежей и подавал свою точёную смуглую руку.

Ещё его называли Пушкиным, несмотря на средние стихи: «Эй, Пушкин! Тебе кофе взять?» И весь зал оборачивался, а он снова хохотал в ответ. Казалось, впитав океан зрительской любви, Джеймс ежесекундно возвращает её обратно. И не верилось, что этот красавчик с безукоризненными манерами – правнук раба.

Прадед Джеймса Патрик Хэгер родился в Америке рабом, белая хозяйка швырнула младенца в огонь, но его спасли. Правая рука почти сгорела, а для работы на хозяев осталась левая. И Джеймс обращался в автобиографической книге к прадеду: «Мой однорукий прадед! Земля, с которой у тебя связано столько надежд, не принесла тебе всходов...»

Отец Джеймса – Ллойд Паттерсон – выучился в ньюйоркском театральном колледже на художника-декоратора, но когда в тридцатые годы чёрным запретили преподавать, вошёл в оргкомитет протестной забастовки. Полиция включила Ллойда «в чёрный список чёрных», означавший «белый билет» – безработицу и голодную смерть. Но тут в негритянской газете появилось объявление, приглашающее группу негритянской молодёжи на съёмки фильма «Чёрный и белый» в «Межрабпомфильм».

И в 1932 году мама Ллойда – Маргарита Глэско – благословила двадцатидвухлетнего сына на поездку в СССР в компании 22 гарлемских деятелей искусств, собранной видным деятелем «Гарлемского возрождения» Джеймсом Мёрсером Лэнгстоном Хьюзом. Хьюза позвали в СССР писать сценарий фильма о преступлениях американского расизма, но после начала съёмок в Крыму проект почему-то закрыли.

Компания во главе с Хьюзом отправилась после этого в Туркестан, а Ллойд Паттерсон остался в Москве, влюбившись в дочь разведчика Первой конной армии Будённого – художницу Веру Аралову. В 1933 году у них родился Джеймс, через два года – Роберт, а ещё через два года – Том. Роберт погиб после войны в автомобильной катастрофе, Том стал телеоператором, а двухлетний Джеймс превратился в мегазвезду советского кино.

Ллойд Паттерсон работал диктором радиопрограмм на англоговорящие страны, но в начале войны его контузило. Не долечившись, он поехал в Свердловск навестить эвакуированную жену и сыновей, а оттуда был командирован работать диктором на радио Комсомольска-на-Амуре. В марте 1942 года тридцатидвухлетний Ллойд Паттерсон потерял сознание, сидя в прямом эфире, его отвезли в госпиталь, но не сумели спасти.

А Вера Ипполитовна Аралова-Паттерсон – любимица Фурцевой – стала главным художником Дома моделей. Она делала эскизы костюмов для лучших театров Москвы, продавала свои картины Министерству культуры и частным клиентам, и одной из первых в стране получила звание Заслуженного художника РСФСР. Именно она в 60-е придумала женские сапоги «казачок» до колен по просьбе Любви Орловой, возмущённой тем, что «у мужчин есть сапоги, а у женщин нет».

После показа коллекции Веры Араловой в Париже, мода на сапоги «казачок» пошла по всему миру. И семья Паттерсонов-Араловых прочно вошла в советский бомонд и вселилась в квартиру одного из самых престижных домов Москвы – в начале набережной Тараса Шевченко. Эта сторона Кутузовского считалась кагэбэшной, а противоположная – цэковской.

Собственно, и в кинофильм «Цирк» Джеймс попал благодаря дружбе Веры Араловой с Любовью Орловой и Григорием Александровым. А когда из Америки приехала бабушка Джеймса – та самая Маргарита Глэско, активистка негритянской организации, благословившая Ллойда на переезд в СССР, Григорий Александров умолял её сняться в роли бабушки негр-тёнка. Но бабушка Джеймса объяснила, что, если в США её увидят в качестве актриски, она дискредитирует свою общественную деятельность.

В пятом классе Вера Ипполитовна зачем-то засунула Джеймса в Рижское Нахимовское училище, и во время военного парада на Красной площади Сталину доложили, что в колонне марширует «негр-тёнок» из «Цирка». А через много лет Хрущёву пришло письмо от адмирала Ивана Исакова. Приводя в пример Джеймса Паттерсона, адмирал предлагал набрать для службы на флоте чёрных с юга США и водить их на демонстрации, подчёркивая советский интернационализм на фоне американского расизма. Он уверял: «Все остальное сделают их письма к родственникам и мировые средства массовой информации!»

Но пока военная бюрократия присматривалась к этой политтехнологии, Джеймс демобилизовался. Его угнетало навязанное Верой Ипполитовной амплуа морского офицера, и он первый и последний раз в жизни послушался мать. А ещё отправил стихи на творческий конкурс Литературного института, и Михаил Светлов тут же взял Джеймса учиться в своём поэтическом семинаре и рекомендовал в Союз писателей СССР.

Стихи были графоманскими, но после фильма «Цирк» Джеймс оказался заложником образа «счастливого советского негра», бесконечно используемого то для телеагиток, то для военного шоу, то для литературного. Он был красив, востребован и всеми любим, но столько, сколько мы общалась, за спиной его мрачнел монументальный образ Веры Ипполитовны.

Каждая встреча с Джеймсом в ЦДЛ начиналась с предложения посмотреть новую картину мамы, но я так и не дошла до набережной Тараса Шевченко, потому, что Вера Ипполитовна держала сына на неприлично коротком поводке. Она всегда подходила к телефону сама, учиняла допрос и решала, подзывать Джеймса или нет. Выглядело это светски, но было умелым моральным обыском. Меня Вера Ипполитовна «приняла», выяснив в первом же телефонном разговоре, что я – счастливо замужняя с двумя детьми, ничем «не опасная сыну».

Больше никто из девиц нашей компании не пользовался таким доверием, и в расписном буфете ЦДЛа бывшего морского офицера дразнили «маменькиным сынком».

Ближайшим другом Джеймса был поэт Владимир Дагуров. Они оттеняли и подчёркивали друг друга: один наполовину африканец, второй – наполовину бурят; один – офицер-подводник, другой – врач-фармаколог. Оба открытые, лёгкие и праздничные. Джеймс, как и я, родился 17 июля, но на 24 года раньше. А Владимир Дагуров был старше меня на 17 лет и ухаживал за моей подругой – поэтессой Наташей Зайцевой.

Именно Владимир Дагуров настоял на том, чтоб я подписала первую публикацию хипповской кличкой Арбатова. Именно он в 1979 году руководил компанией литераторов, помогавшей нашей молодой семье переезжать из арбатских комнат в новую ясеневскую квартиру. Таскал мебель, тюки с вещами и ворчал: «Творческие люди, а уже нажили столько барахла!» Именно с ним мы обсуждали, как женить Джеймса, и радовались, когда у него начались серьёзные отношения с прехорошенькой поэтессой Ириной Толоконниковой.

А когда они зарегистрировали брак, ЦДЛовское братство подняло за это не одну рюмку водки и, конечно, обсудило цвет кожи будущих деток. Но до деток не дошло – Вера Ипполитовна не впустила невестку на порог шикарной квартиры и на крыльцо номенклатурной дачи. Джеймс разрывался между женой и мамой, но вторая побеждала с большим отрывом.

В 1991 году привыкшие жить на широкую ногу Араловы-Паттерсоны остались с двумя крошечными пенсиями. Прежде они кормились по факту верности режиму – картины Веры Ипполитовны закупались Минкультом, а Джеймс зарабатывал поездками по стране с чтением стихов от Бюро пропаганды при Союзе писателей СССР. И Вера Ипполитовна почему-то решила, что если молочные реки и кисельные берега обмелели на Родине, они, конечно же, ждут в Америке. Она железной рукой развела сына с Ириной Толоконниковой и увезла в 1994 году в Вашингтон.

Это поразило всех, ведь Джеймс когда-то писал: «Иногда я думаю, как бы сложилась моя судьба там, в Америке? И понимаю, наказан был бы со дня рождения... В тридцати штатах моим родителям грозило бы десятилетнее тюремное заключение, в пятнадцати – смертная казнь. И только за то, что белая породнилась с чёрным!»

Будучи дома культовыми персонажами, Джеймс и Вера Ипполитовна не понимали, что для Америки они всего лишь пожилые экономические эмигранты. Вере Ипполитовне исполнилось 83, а Джеймсу – 60, но она вбила сыну в голову, что, не будучи ярким поэтом на родном языке, он станет звездой на английском, которым почти не владеет.

Какое-то время перебивались продажей её картин, а Джеймс читал стихи нашим эмигрантам. Но количество поклонников живописи Веры Араловой исчерпалось так же быстро, как и количество слушателей Джеймса Паттерсона. В 2001 году Вера Ипполитовна умерла, и Том, живущий в Москве, захоронил её прах на Армянском кладбище в могилу младшего брата Роберта.

Получилось, что если «киномама» – Любовь Орлова в фильме «Цирк» – прятала «негритьёнку» от чужих глаз; то Вера Ипполитовна предьявляла его как аргумент сперва в нашей

стране против Америки, а потом в Америке против нашей страны. Задумывалась ли эта блистательная женщина хоть раз за свои 90 лет о том, что сделала из Джеймса выставочного пуделя, которого таскала за собой на поводке, не дав не только создать семью, но и остаться в своей стране?

Потеряв мать, Джеймс впал в депрессию и перестал выходить на связь. Пресса сочинила, что «спился и умер в Вашингтоне», но все, кто знал Джеймса, понимали, что это не про него. Потом его показали по телеку исхудавшим и постаревшим на убогой кухоньке социального жилья. С конца семидесятых до конца девяностых Джеймс не менялся – был стабильно молод, красив и элегантен, и потому казалось, что телевизионщики сняли отдалённо напоминающего его старика. Просочились слухи – попал на операцию, там его случайно инфицировали, потом долго лечили от этого.

И 17 мая 2014 года телепрограмма «Прямой эфир» организовала телемост к 80-летию Джеймса. В московской студии плакала бывшая жена – Ирина Толоконникова-Паттерсон, искавшая его все эти годы, а заторможенный Джеймс твердил из вашингтонской студии как попугай, что не взял её в эмиграцию потому, что боялся трудностей. И что реальные трудности оказались серьёзнее предполагаемых.

Рассказывал, как больной и обессиленный потерял однажды сознание прямо за письменным столом, и если бы через несколько часов случайно не зашёл социальный работник, лежал бы уже на кладбище. При этом не вспомнил, что точно так же потерял сознание, сидя в прямом эфире, его отец. И тоже в чужой стране. Но с Ллойдом это случилось во время войны; впрочем, и эмиграция стала для Джеймса войной, которую он проиграл.

Ирина Толоконникова-Паттерсон требовала признания, что эмиграция была ошибкой. И Джеймс согласился, хотя это признание было уже не важно ни ей, ни ему, ни зрителям. С экрана смотрел одинокий растоптанный старик, передвигающийся на коляске и не готовый ответить самому себе, зачем, будучи советским символом борьбы с расизмом, ринулся в страну, где его чёрного прадеда младенцем швырнули в огонь, а чёрного отца лишили права преподавать?

И, будучи отставным офицером-подводником, так и остался крошечным негритёнком из фильма «Цирк», которого передают из рук в руки. В одном интервью Джеймс говорил: «Я никогда не хотел уезжать навсегда...» Но «навсегда» уже захлопнуло его безжалостной эмиграционной крышкой, оставив от прошлого только блины со сметаной, которые научилась готовить его сиделка из Камеруна.

Джеймс обещал на телемосте, что вернётся в Россию и у них с Ириной «всё будет хорошо». Ирина плакала, а зал вежливо аплодировал. Меня не было в Москве, в студии сидел наш общий друг поэт Владимир Дагуров, но кто бы там ни сидел, ничего уже нельзя было починить и поправить.

К слову, в 2004 году я переехала на Шмитовский проезд, и оказалось, одна из комнат в бытность квартиры коммуналкой принадлежала отцу Владимира Дагурова – доктору филологических наук, народному поэту Бурятии Геннадию Дагурову. А Владимир заходил сюда и оставался переночевать. Поражённые совпадением, мы стали копать с Дагуровым через 40 лет знакомства в датах и накопили невероятное!

Оказалось, его отец – Геннадий Дагуров 1909 года рождения; отец Джеймса – Ллойд Паттерсон 1911 года рождения; и мой отец – Иван Гаврилин 1910 года рождения пересекались теснее, чем мы. Геннадий Дагуров учился одновременно с моим отцом в ИФЛИ, только на разных факультетах. Дагуров на литфаке, а мой отец – на истфаке, но тоже писал стихи. Защитив диплом, мой отец начал работать в Редакционно-издательском институте, а Геннадия Дагурова назначили оргсекретарём Бурят-Монгольского отделения РАППА – Российской ассоциации пролетарских писателей.

Именно тогда Максим Горький написал статью-донос на поэта Павла Васильева со словами: «...А те, которые восхищаются талантом П. Васильева, не делают никаких попыток,

чтобы перевоспитать его. Вывод отсюда ясен и те и другие одинаково социально пассивны, и те и другие по существу своему равнодушно „взирают“ на порчу литературных нравов, на отравление молодёжи хулиганством, хотя от хулиганства до фашизма расстояние короче воробьиного носа...»

Арестованный после статьи Павел Васильев признал под пытками, что готовил покушение на Сталина. Расстреляв его в 1937 году в Лефортовской тюрьме, начали арестовывать его окружение. Разнарядка пришла и на Геннадия Дагурова, преподававшего зарубежную литературу в техникуме Улан-Удэ. Услышав от родственника о надвигающемся аресте, Геннадий Дагуров написал заявление об увольнении, собрал вещмешок, встал на лыжи и ушёл в тайгу.

Жил охотой, рыболовством, а через полгода вышел к Ньюке – бывшему золотому приisku имени Блюхера в Амурской области – назвался чужим именем, устроился в школу завучем, заработал денег и поехал в приёмную Калинина в Москве. Выслушав Геннадия Дагурова, помощник Калинина посоветовал никому не рассказывать о бегстве в тайгу, ни за что не возвращаться в Бурятию и направил его преподавать в педагогический техникум Нальчика.

Оттуда Геннадий Дагуров ушёл добровольцем на фронт, был ранен, контужен, дошёл до Берлина, стал кавалером ордена Отечественной войны 1-й степени и ордена Красной Звезды. А после войны работал в Советской оккупационной зоне Лейпцига завучем и преподавателем русского-литературы. В это же время мой отец организовывал в оккупационной зоне Лейпцига издательство на русском языке. А позже Геннадий Дагуров получил комнату в квартире, где я в данную секунду стучу по клавишам компьютера.

В 1934-м мой отец стал зам. главного редактора Молодёжного вещания Радиокomiteта, и вскоре в Радиокomiteт пришёл работать отец Джеймса – Ллойд Паттерсон. И отец, и Ллойд дружили с Юрием Левитаном, с семьёй которого нашу семью позже связали сложные перипетии. Говорят, не мир тесен, а слой тонок. И мы с Володиёй и Джеймсом мистическим образом оказались рядом в многослойном пироге страны, не подозревая, что в предыдущем слое этого пирога наши отцы так плотно пересекались на гуманитарной передовой.

Глядя в окно, у которого когда-то стояли молодые поэты Владимир Дагуров и забегавший с Кутузовского Джеймс Паттерсон, я мысленно черчу на пресненской карте причудливый четырёхугольник. На одной из его вершин породнивший нас расписной буфет ЦДЛ. На другой вершине, на набережной Тараса Шевченко, квартира Араловых-Паттерсонов, куда я так и не пошла смотреть картины матери Джеймса. На третьей вершине четырёхугольника – могила украинки Веры Араловой и её младшего сына Роберта на Армянском кладбище. Почему на Армянском, уже никто не расскажет... А на четвёртой вершине – моя квартира, где жили Дагуровы.

И сложив обнаруженные даты, уцелевшие фотографии и запомнившиеся фразы, можно нафантазировать, как несуразно одетые длинноволосые студенты Дагуров и Гаврилин спорят о поэзии возле здания ИФЛИ в Большом Трубецком переулке так же, как мы будем спорить в буфете ЦДЛ через 40 лет. Или нафантазировать, как позже мой, уже строго одетый и коротко стриженный отец обсуждает решения XVII партсъезда со строго одетыми и коротко стриженными Ллойдом Паттерсоном и Юрием Левитаном. На них смешные широкие галстуки, в пепельнице гора окурков, а Радиокomiteт находится на Страстном бульваре и называется «Студия Радиофильм».

Через три года Радиокomiteт выдаст Ллойд «пропуск-вездеход», он побежит на работу под бомбежкой, и его контузят во время налета немецкой авиации. Перед смертью он навестит эвакуированную семью в Свердловске, откуда ведёт программы Юрий Левитан. Радиовышки в Москве демонтированы, а Левитан живёт в свердловском бараке в условиях полной секретности, но друзей к нему пускают, тем более таких, как Ллойд. Геннадий Дагуров находится в это время на фронте, а мой отец заведует в Воениздате отделом, выпускающим листовки и

брошюры, поднимающие боевой дух Советской армии, и ездит в командировки как военный журналист.

Несмотря на помощь союзников, Америка казалась нашим отцам, патриотам-трудоголикам – американцу, буряту и русскому – бесповоротным злом. Ллойд Паттерсон попробовал её на своей «чёрной» шкуре; а Геннадий Дагуров хоть и прятался в тайге от Сталина, клеймил вместе со своими студентами происки американской военщины.

Мой отец никогда не говорил об Америке и никогда не рассказывал, что одна из его сестер, закончив факультет иностранных языков, была командирована туда с мужем торговать русскими мехами. В Лос-Анджелесе она родила сына и, вернувшись домой, громко шутила, что мальчик может баллотироваться в президенты США. И дошутилась до того, что в 1953 году её мужа арестовали как американского шпиона и расстреляли бы, не случись долгожданная смерть Сталина. Имущество конфисковали, на работу по специальности не брали, она начала выпивать и вскоре умерла от пневмонии.

Как Ллойд Паттерсон и Геннадий Дагуров, мой отец был человеком начала прошлого века – жил, работал и воевал в чёрно-белом мире. Джеймс и Владимир – люди середины прошлого века, в конце которого СССР и США стали казаться странами-перевёртышами, и Джеймс поверил в это. А для меня, родившейся перед VI Всемирным фестивалем молодёжи и студентов, «Америка», начавшаяся с кинофильма «Цирк», закончилась опустевшими и остекленевшими глазами Джеймса на телемосте. Она всё-таки выманила и высосала «негритёнка». И я не прощу этого ни ей, ни ему, ни себе. И самоуверенно думаю, а вдруг сумела бы отговорить от эмиграции?...

В девяностые, когда США выглядели «решением всех проблем», американская «Chicago's Organic Theatre Company» объявила конкурс драматургии «Новые голоса из России», о чём сообщила тряпчатая растяжка через Тверскую улицу. А что тогда было убедительней тряпчатой растяжки? Конкурс осел в театре Ермоловой, и драматурги потащили туда заявки на пьесы. У нас заявки тогда писали только на киносценарии, а пьесы носили в театр готовыми.

Но тем, кого это насторожило, объяснили, что надо учиться жить в цивилизованном мире. Я не писала заявку не из подозрительности, а потому, что не умею. И, садясь за пьесу, повесть или роман, плохо представляю, чем там кончится дело. А вместо заявки отправила на конкурс одноактовки на двух молодых актёров под названием «Дранг нах вестен». Они игрались без декораций, на которые тогда ни у кого не было денег, и потому, кто и где их только не ставил.

С конкурса позвонили и назначили встречу в театре Ермоловой. Перед означенным кабинетом сидела очередь немолодых кассовых драматургов, собравшихся стать «новыми голосами из России», но меня почему-то вызвали без очереди. Американский режиссёр, руководивший конкурсом и бойко лопотавший по-русски, предложил написать заявку на полнометражную пьесу, которая стала бы продолжением приглянувшейся ему одноактовки.

Одноактовка «Дети подземелья» была о том, как в голландской электричке встречаются русская девушка, едущая на заработки телом, и русский эмигрант, выдающий себя за американского профессора. Режиссёр махал руками, брызгал слюной и утверждал, что это история покруче «Кабаре». Америка – страна эмигрантов, и над пьесой будут сперва рыдать во всех театрах страны, а после голливудской экранизации во всех кинотеатрах мира.

Мы бы не договорились, но американец предложил немедленно заключить договор и выдать аванс. Я была свежеразведённой матерью двух подростков без всяких видов на алименты и согласилась подписать договор, но не на заявку, а на полнометражную пьесу. Американец достал образец договора и протянул сто долларов, авансировав полнометражную пьесу суммой, которую герой одноактовки «Дети подземелья» предлагал героине за один коитус.

Стало ясно, что конкурс с тряпочной растяжкой – афера, американец держит нас за лохов, но осталось загадкой, зачем это ему? Договор скрепили подписями директор театра Ермоловой Марк Гурвич и завлит театра Нонна Голикова – внучатая племянница Любови Орловой, «киномамы» Джеймса Паттерсона. Чикагский режиссёр улетел с мешком русских заявок, а я принесла обещанную пьесу Марку Гурвичу, и он торжественно и постранично отправил её в Америку факсом.

Прошел месяц, полгода, год... ответа не было! В сохранившемся договоре – жемчужине моего архива – от имени и на бланке некоего «Органик театра» (Чикаго, Иллинойс) на месте имени-фамилии американского режиссёра, стояло небрежное каля-маля, в котором с трудом угадывалось имя Ричард.

А потом из Янгстоунского университета приехала славистка Мелисса Смит, предок которой приплыл в Америку именно на судне «Мэйфлауэр». Она стала подолгу жить в России, смотреть с нами бомбёжки Югославии и кричать собственному отцу в телефонную трубку: «Они врут вам по телевизору! НАТО убивает мирных жителей!» Короче, совсем обрусела.

Мелисса перевела две мои пьесы, включая ту, что была написана для «Органик театра», и позвонила туда. Но ей ответили, что никакого конкурса «Новые голоса из России» сама «Chicago's Organic Theatre Company» не проводила и не планирует. А этот самый Ричард действительно у них работал, но уволился и уехал в Россию, которая его так вдохновила, что он сочинил мешок заявок на сценарии для Голливуда, и с одной из заявок уже начали работать.

Мы долго хохотали не столько над этим, сколько над собой. А через несколько лет Мелисса случайно узнала, что Ричард внезапно умер. Дождался ли он голливудской экранизации по ворованной российской заявке, так и осталось тайной. И Мелисса Смит извинялась за него от имени всей Америки и уговаривала меня съездить в Янгстоун на премьеру другой моей пьесы, но мне было некогда.

Потом артисты и писатели стали летать в США «пожиться на ностальгии», и один американский продюсер, выговаривающий букву «р», как в плохом еврейском анекдоте, уболтал меня по телефону на гастрольный тур. Перечислил десять городов, начал оформлять приглашение и попросил телефоны моих американских друзей, чтоб внести встречи с ними в график поездки. Учившая немецкий в школе, университете и институте, я даже стала листать англо-русский разговорник.

Но из Калифорнии позвонила подруга детства:

– Машка! Наконец мы наболтаемся! Мы с Джерри разгородим огромную комнату Эстер – у тебя будет своя спальня!

– Какую ещё комнату?

– Звонил твой продюсер, сказал, экономит на гостинице и еде, и по всем городам ты будешь жить и питаться у друзей. Я ж понимаю, у вас в России совсем нет денег!

А на следующий день я узнала от писательницы, провезённой этим продюсером по Америке, как он таскал её из штата в штат на машине, кормил пакетами из Макдоналдса и спихивал на ночлег «к своим». Поняв, с кем имеет дело, писательница требовала гонорар перед каждым выступлением.

– Вы шо мне не вегите пго деньги?

– Не верю!

– Остановите любого гуского на Бгайтоне и спгосите его за меня!

– Деньги, или я не выйду на сцену!

– Но я не дегжу с собой такой кгупной суммы, мы, амегиканцы газмечаем такие суммы на кагточке!

– Отменяйте вечер!

– Ну, хогошо-хогошо, вот вам деньги, но только потому, что вы гусская и я гусский!!

Я отказалась от гастрольного тура, и продюсер заголосил в телефон:

– А шо вы хотели, догогая? Это ногмальная амегиканская ппрактика! Наши гусские, в смысле – евгеи, в смысле – уже амегиканцы, очень гостепгиимны! Они все гехнулись от скуки! Шо им за тгуд потегпеть в доме пагу ночей известного человека, столик накгыть и погогдиться пегед знакомыми? Мы с вами сделаем на этом хогошие деньги! Вы шо думаете, наши, в смысле – ваши, когда пגיעзжают, делают по-дгугому? Они экономят каждый цент, шобы купить жене на гаспгодаже лишний лифчик! Я и птицу покгупней вас к знакомым селил!

Эта прививка уберегла от сотни подобных предложений, несмотря на то, что Америка для бывшей хиппи всё равно, что для мусульманина хадж в Мекку. Но было понятно, что, если страна посылает за мной таких проводников, ехать не стоит.

А однажды писательница Ольга Славникова удивилась:

– Ты ни разу не была в Нью-Йорке? Поехали на Книжную ярмарку – в этом году Россия главный гость!

– В Нью-Йорк? Муж – гражданин Индии, это засада с визой в любом посольстве!

– Как член жюри, оформишь с мужем визы в делегации премии «Дебют».

Ольга Славникова координировала работу литературной премии «Дебют», делающей для молодых писателей в сто раз больше, чем минкульт, минпечать, литинститут и шесть тянущих друг с друга одеяло союзов писателей. В описываемом году я была членом ротируемого жюри в номинации «крупная проза», прочитала уйму текстов и имела как формальное, так и моральное право ехать от «Дебюта». И появилось ощущение, что ехать надо.

– Боюсь, тебе не понравится Нью-Йорк, – предупредила Ольга. – Я – уральский человек, люблю, когда в городе много железа, а в Нью-Йорке сплошное железо.

И мы с мужем оказались писателями, едущими на Книжную ярмарку сбоку припека от министерского списка. Тем более что после Книжной ярмарки в Израиле министерство вычеркивало меня из «ярмарочных» писателей, даже если в ярмарочной стране только что вышла моя книга.

С Израилем у меня не сложилось, как ни уверяли, что пепел Клааса застучит в еврейскую половину моего сердца прямо в аэропорту Бен-Гурион. Но то ли не застучал, то ли его заглушили обступившие советский бардак, хамство, пофигизм и непрофессионализм, а Книжная ярмарка показалась такой местечковой, словно её строили под ключ и начинали под потолок конченные антисемиты.

Толпу российских писателей таскали по аудиториям, набитым пожилыми эмигрантами, пришедшими досыта наговориться по-русски и объяснить выступающим «как им обустроить Россию». А я не умею вести себя как профессионалы по сшибанию ностальгической денги:

– Хочешь на них заработать? Говори, что в России всё ужасно! Денег нет, еды нет, медицины нет! Нет будущего, мы им завидуем, но эмигрировать не получается...

В одной из аудиторий несколько пафосных бабушек объявили себя политическими эмигрантками и обиделись, когда я стала нудно разъяснять, чем экономический эмигрант отличается от политического. И что называть страну эмиграции «историческая родина» такая же бессмыслица, как называть «историческими» приёмных родителей, имея при этом биологических. А ещё честно ответила, что считаю Израиль бесперспективным западным проектом, на который несколько моих предков положили жизнь.

Я действительно считаю, что все колонии, находящиеся далеко от их метрополий, ждёт одинаковая судьба, хотя мой прадед по материнской линии Йосеф Айзенштадт, честно говоривший и писавший об еврейской колонизации Палестины «Хиббат Ционом», баллотировался с этой программой в белорусскую думу. Он был арестован и просидел в тюрьме все выборы. При этом, будучи социалистом-атеистом, как все его соратники, не подклеивал к теме колони-

зации Палестины цитат из литературных памятников о земле, принадлежащей евреям в лохматые времена.

Но в Израиле нельзя говорить, что думаешь, тебя тут же объявят засланной антисемиткой... И это пожаром понесётся по всей стране, расположившейся на площади вдвое меньше Московской области с населением втрое меньше московского и амбициями величиной с Мировой океан. Интернет-ресурсы тотчас оккупировали кликуши, поклявшиеся сжечь мои книги на центральной площади Иерусалима и собрать подписи за запрет моего следующего въезда.

А что может выглядеть печальней с трудом эмигрировавшего еврея, грозящего закрыть границу своего государства? И что может выглядеть позорней еврея, копирующего фашистов, сжигавших на берлинской площади Оперы книги, «чуждые арийскому духу»? Я ожидала объятий маленькой страны с «близкими-родными-умными-чуткими-тонкоорганизованными евреями», помещёнными в теплицу, но на меня пёрли крикливые совки, объяснявшие, как, где, с кем и зачем я должна жить, что думать и как чувствовать.

Это казалось путешествием на машине времени по худшим опциям социализма. Да ещё истерическая атмосфера «факта кольца, обстрелов и терактов». И бесконечные заявления о «богоизбранности» в сочетании с отвращением к иудейской традиции и ивриту. Да ещё наблюдаемые на родине в полном советском шоколаде, исступленно рассказывающие о зверствах антисемитизма, словно понаехали не из нашей страны, а из Российской империи восемнадцатого-девятнадцатого века.

Полностью ощущение бесперспективности Израиля накрыло, когда попросила на рецепции иерусалимского отеля вызвать такси, а служащий ответил:

- Придётся ждать! Вы же не поедете с арабом!
- Почему я не поеду с арабом?
- Вы поедете с арабом? – гаркнул он на всё фойе, и оно с изумлением обернулось на меня.
- А чем араб за рулём отличается от еврея?
- Тем... что он – араб... – прошипел служащий, и фойе закивало.

Тогда я потребовала такси исключительно с арабом. Именно с арабом, и только с арабом. Хотя до сих пор не понимаю, как они различают друг друга?

Но стоило арабу газануть и услышать, что я из России, он заявил на прекрасном русском:

– Я учился в Москве! Знайте, это наша земля, и евреев здесь не будет, даже если на это уйдёт жизнь нескольких поколений моей семьи! Так я воспитываю сыновей и внуков!

Страна, воюющая в стольких поколениях, делает войну национальной идеей и постепенно становится военной базой с менталитетом военной базы. И уже не может и не хочет выйти из агрессивного сценария, чтобы стать частью решения, а всё шире и глубже становится частью проблемы. Но, как говорил один мудрый соратник Милошевича, трагедию Сербии подтолкнуло то, что Милошевич не осознавал масштаба страны и примерял имперскую мантию.

Я безуспешно искала на этом агрессивном лоскутке израильской земли своё пронзительное, подкожное, генетическое... но никто в Иерусалиме и Тель-Авиве не знал, как найти среди населения в 8 000 000 человек потомков моей небезызвестной родни, чтоб я привязалась к этой земле хоть какими-то тонкими ниточками.

Мой прадед Йосеф Айзенштадт отдал жизнь пропаганде построения города Солнца и умер в 1939 году на Арбате, пропитав сионизмом сердца пятерых сыновей. Старший сын – Самуил Айзенштадт – тот самый гебраист, что создал в Румянцевском музее отдел литературы на идише и иврите и спас от уничтожения коллекцию Шнеерсона.

В 1925 году он уехал в Палестину и после создания Государства Израиль заведовал Центральной канцелярией Совета по ивриту, был профессором Тель-Авивского университета, организовывал Высшую Школу Юриспруденции и Экономики, а также Архив труда при Всеобщей Федерации Трудящихся. Он представлял на международных конгрессах Движение Мира в Израиле и неудачно баллотировался от Компартии Израиля в президенты после смерти Хаима

Вейцмана. Книги Самуила Айзенштадта выходили в Израиле, Великобритании, Польше и России, а его фотография висит на сайте главной библиотеки нашей страны.

На мой запрос посольство Израиля сообщило, что именем Самуила Айзенштадта назван зал в Доме Науки, но ни один человек на Книжной ярмарке не знал о существовании самого Дома Науки. Самуил Айзенштадт строил Эрец Израиль для своих детей. Но старшая дочь – моя покойная тётя Пнина – бежала в Лондон, поняв, что нельзя жить в стране, где никогда не кончится война. А младший сын – архитектор Эльяким Айзенштадт – покончил собой. Осталась его дочь – художница Шошана Левинсон, но я не нашла и её.

Не удалось обнаружить и потомков младшего сына Йосефа Айзенштадта – Абрама, отправившегося в 14 лет в Палестину вместе с моим дедом и попавшего в кибуц. Он стал пчеловодом и владельцем апельсиновых плантаций, которые передал сыну. Передал бы и второму сыну, но второго убили арабы.

Мой дед Илья – четвёртый сын Йосефа Айзенштадта, полиглот, ездивший после гимназии в Палестину, чтобы закончить там школу восточных языков. Семейная легенда гласит, что он вернулся в СССР выучиться в Тимирязевской академии и поднять с помощью этого багажа сельское хозяйство Палестины, но из СССР его больше не выпустили. Однако это легенда. По всем приметам, посмотрев на Землю обетованную собственными глазами, дед просто больше туда не рвался, даже несмотря на то, что в 1925 году демонстративно вышел из компартии.

В семидесятые в Израиль отправился внук второго сына Йосефа Айзенштадта – Исаака – начинающий художник Александр Айзенштадт. Он стал религиозным деятелем, вернулся в Россию и создал в Подмосковье ешиву, а в Москве – Центр Изучения Торы. И параллельно религиозной деятельности продолжил писать картины.

Однако, уважая подвижничество родственников, участвовавших в создании проекта под названием «Израиль», я не обнаружила в нём для себя «ни почвы, ни судьбы», потому что не нашла там «моих евреев» – интеллигентов, книжников, очкариков, зануд, просветителей и бессребренников.

Мои евреи – трогательные старики, говорившие между собой на идиш, а со мной со смешным акцентом; картавые, музыкальные, сентиментальные, трезвенники, сладкоежки, душащие гиперопекой детей и внуков. Бродя арбатскими переулками, я слышу их неуверенные шаги и тихие, но твёрдые голоса; вижу силуэты их шляп, пыльников, поблескивание старомодных очков и различаю следы их плоскостопных ног на асфальте.

«Мои евреи» остались со мной мебелью девятнадцатого века и растрепанными старыми книгами, напечатанными справа налево. Они подмигивают то конфетницей с отбитым краем, то уцелевшим столовым прибором, то шкатулочкой в сетке морщин. А в ящичке для швейных принадлежностей поблескивают перламутровые пуговицы от их шёлковых блуз и байковых кальсон. Я пишу эти строки, и «мои евреи» одобрительно кивают с фотографии на стене.

И когда мы с братом расспрашивали парализованного деда, что такое сионизм, он отвечал, с трудом выговаривая слова и загибая неслушающиеся пальцы, – это культура, взаимовыручка, терпимость и пацифизм. То есть ровно то, чего я не увидела в Израиле, где встретила в основном «не моих евреев», а евреев, не способных выйти из войны, как из эпидемии, потому что не отделяют больных от здоровых.

Я тоже не знаю выхода из конфликта, но мне понравилась инициатива ресторана неподалеку от Натании, предложившего скидку арабам и евреям, готовым сидеть за одним столом. И предлагала бы ещё госдотации смешанным семьям, пока бы всех не переженила.

Моя родня по материнской линии приехала в Москву из Польши в начале прошлого века, и я вижу по ним, что век – слишком короткий срок для адаптации к новой стране. Растворив «еврейское» в советском, маман знает ровно два слова на идише, не может прочитать на нём даже книгу собственного деда, но при этом ни секунды не понимает, про что Достоевский.

Она уже не умеет готовить фаршированную щуку, но у неё никогда не получатся правильные русские пироги. Российские просторы, дающие мне ощущение неисчерпаемой свободы и защищённости, вызывают у неё мистический ужас, и, глядя на карте, куда я лечу, она прощается, словно меня запускают в космос. Россия для неё – космос, ей было бы комфортней жить в местечке.

Одним словом, обжегшись на Книжной ярмарке Иерусалима, я не сомневалась в достоинствах её старшей нью-йоркской сестры. А уйма моих коллег ежегодно летала на BookExpo за собственные деньги, чтобы прильнуть к собранным в одной точке издательским мощностям планеты – в Jacob K. Javitz Convention Center на берегу Гудзона, в центре Манхэттена.

Нагуглив эту громадную стеклянную гробину имени нью-йоркского сенатора Джейкоба Джейвица, я почувствовала себя Золушкой, а Олю Славникову – феей, превращающей тыкву в американскую визу. Россия впервые в истории объявлялась почетным гостем ярмарки, но с приглашениями с американской стороны начался затык – они сперва досадно опаздывали, а потом опаздывали почти непоправимо. Из суеверия мы не бронировали отель до получения виз, ведь перед нами американцы отказались впускать Кобзона.

Приглашения появились впритык к вылету, и молодой обаятельный представитель американского посольства задал мне двадцать коварных вопросов о Книжной ярмарке, а мужу только один:

– Сколько лет вы живёте в России?

Услышав в ответ цифру 27, он поднял бровь и объявил:

– Мария Арбатова получает визу на год, а Шумит Датта Гупта – на десять! С Индией у нас подписано одно соглашение, а с Россией – другое.

Он лукавил, далеко не все граждане Индии получали визы на 10 лет, но образование, происхождение и уровень английского у мужа являлись предметом охоты США. Ведь индийцы не только миролюбивые и англоговорящие, но ещё легко адаптирующиеся, заточенные на семейные ценности и не имеющие этнической преступности. Америка выманила к себе уже 3 100 000 индийцев.

И 75 % представителей индийской диаспоры старше 25 лет имеют высшее образование, хотя по общеамериканскому показателю высшее образование только у 31 %. Трое индоамериканцев нобелевские лауреаты, двое – занимали губернаторские посты, а 300 000 – трудятся в Кремниевой долине.

Получив визы, муж ухватил по Интернету последний номер ближайшего к Джейкобу Джейвицу отеля «Imperial Court». Сайт отеля ласкал глаз – вход охраняли золочёные статуи со светильниками в руках, мраморные стены фойе отражались в витражных потолках, а номера были оформлены в стиле ар-деко. Двести долларов в сутки показались ничтожной ценой за такое великолепие, а 79-я улица – достойнейшей частью Манхэттена.

Писатели рвутся на Книжные ярмарки, чтобы презентовать новую книгу и получить мешок предложений на её перевод и переиздание. В реальности этого не происходит, а каким образом книги попадают к иностранным читателям, до конца понимают только литературный агент и небесный диспетчер.

Мы с мужем повезли в Нью-Йорк написанную в соавторстве книгу «Испытание смертью». Нормальные люди сперва издают книгу, а потом её экранизируют, у нас всё наоборот. Меня уговорили написать «феминистский сценарий» о первой в мире женщине полковнике разведки Зое Воскресенской-Рыбкиной, поклоннице и сотруднице великой Коллонтай. Известная моему поколению как писательница Зоя Воскресенская, полковник Рыбкина работала под прикрытием пресс-секретаря посла Александры Михайловны Коллонтай, представляющей СССР в Финляндии и Швеции.

Зоя Воскресенская-Рыбкина была одной из героинь проекта Первого канала и СВР о десяти великих советских разведчиках. Когда съёмки начались, поступило предложение напи-

сать для этого же проекта сценарий о судьбе легенды мировой разведки Алексея Козлова, работавшего в 85 странах.

Я совсем не понимала, как писать о ЮАР, ядерных испытаниях, международной политике конца семидесятых и спецоперациях полковника Козлова, благодаря которым рухнул режим апартеида в ЮАР и была остановлена гонка ядерного вооружения. По счастливой случайности, муж оказался не только физиком, учившимся в РУДН у самого Якова Терлецкого, но и представителем индийского политического клана, глубоко погруженного в большую политику.

Таким парадоксальным образом бывшая хиппи и иностранец получили для сценария только что рассекреченные документы Службы Внешней Разведки о работе Алексея Козлова в ЮАР и двух годах жизни в тюрьме контрразведки ЮАР, где его безуспешно пытали представители разведок шести стран. В фильм, естественно, не вошло всё, что было задумано, и пришлось писать книгу.

Нам повезло – Алексей Михайлович Козлов успел посмотреть фильм и прочитать книгу. И даже похвалил, хотя до этого убеждал меня, что работа разведчика-нелегала состоит не из гульбы и пальбы, а из долгих и скучных месяцев поиска и ожидания. Но формат есть формат, и книга поехала на Книжную ярмарку, потому что при всей сложности и многослойности чётко укладывалась в запросы американского рынка – русский Джеймс Бонд, водка, шпион, любовь, медведь, КГБ, тюрьма и пытки.

Мы ехали как соавторы, но, в отличие от Ильфа и Петрова, были супругами и не планировали описывать увиденное вдвоём – это бы кончилось разводом. Ильф и Петров совершенно не знали английского. Я тоже его никогда не изучала и объясняюсь на уровне магазина, но муж думает на английском и пишет на нём романы.

И ещё, в отличие от Ильфа и Петрова, мы не брали рекомендательных писем и не подтягивали многочисленных тамошних знакомых. Ведь эмигранты, уверяя нас и себя в верности выбора, показывали бы исключительно глянцевого места Манхэттена, а мы хотели увидеть его в собственном соку.

В поездках я выступаю перед читателями, самонадеянно считая это частью просветительской миссии. И если где-то на планете есть русскоязычные, всегда найдётся человек, готовый заработать на моей встрече с ними. Я черкнула нескольким приятелям, меня запараллелили с брайтонскими продюсерами, и речь пошла о гостини «Davidzon Radio». А что для бывшей радиоведущей приятней радиогостини?

Смутил анонс, появившийся на сайте радио «Давидзон»: «Долгожданная творческая встреча с ГЛАВНОЙ ФЕМИНИСТКОЙ России – МАРИЕЙ АРБАТОВОЙ. Известная писательница и общественная деятельница, президент „Клуба женщин, вмешивающихся в политику“, Член Союза писателей Москвы, Союза театральных деятелей России и телеведущая – приглашает всех слушателей Davidzon Radio на ОТКРОВЕННЫЙ разговор о современной России. „ЧЕМ ЗАНЯТСЯ ПУТИНУ НА ТРЕТЬЕМ СРОКЕ“, „ЧЕТЫРЁХЛЕТНИЙ СПОР С НОВОДВОРСКОЙ О ЗАЩИТЕ ЮРИСТА ЮКОСА“, а так же „КАК ЧЕСТНО СТАТЬ ДЕПУТАТОМ ДУМЫ“, „КАК ПОПАСТЬ В КНИГУ РЕКОРДОВ ГИННЕСА“ и многое другое... Откровенный диалог обо всем...?!!»

На просьбу отредактировать эту ахицию, продюсер Людмила возразила по телефону:

– Это ж Брайтон! Тут не надо высоких материй! Люди хотят понять, за что они уже заплатят свои 25 долларов! И поговорите в прямом эфире с нашим журналистом, иначе я за неделю не соберу зал! Июнь, жара – все разъехались!

Журналист с «радио Давидзон» позвонил перед нашим вылетом с вопросами о российской политике – ведь это самая острая тема жизни Брайтона. После чего начались «звонки радиослушателей», и, мама дорогая, удивлена была даже я, обвыставшаяся в радиопрограммах. Казалось, звонили израильские эмигранты, писавшие гадости в мои блоги – с теми же

самыми оборотами речи, с той же самой орфографией и пунктуацией – словно они всей шоблой переместились из Израиля в Нью-Йорк.

Ведущий отключал от эфира за хамство каждого второго, но все они оказались не «израильскими штыками», а американско-русскоязычными, ведь вся колбасная демшиза напечатана на одном станке. В силу насыщенности российской жизни они купали меня в прошлогоднем снегу, и я не понимала вопросов, у нас на повестке дня давно стояли другие темы и персоналии. Стало ясно, для кого Людмила сочинила анонс – ничего другого они бы не поняли. Тем более что тоже были «не моими евреями».

Разница израильских и ньюйоркских «не моих евреев» состояла только в том, что вторые кричали, как преданы «исторической родине», какое счастье жить в Израиле, нон-стопом воюющем на своей территории, хотя жили в Америке, нон-стопом воюющей на чужой территории. Одна обзывала меня юдофобкой; другой клялся, что мне за антисемитизм платят большую-пребольшую кремлёвскую зарплату; третий уверял, что еврейская идея торкнет меня в сердце, и я эмигрирую в Израиль; четвёртый переживал, что я не погибла в поездке на Землю обетованную от рук арабских террористов, и т. д.

Масла в огонь подлила Валерия Новодворская. Наши отношения прошли стадии от нежной любви до жёсткой дистанции. Когда мой второй муж Олег Вите занимался в 1999 году слиянием демократических партий в «Союз Правых Сил», Валерия Ильинична читала на моих днях рождения стихи. Развод сделал меня менее привлекательной в её глазах, а дискуссия в программе Владимира Соловьёва поставила на отношениях точку.

Так что в эфире «Давидзон-радио» Валерия Ильинична объявила:

– Если Арбатова соберется в Нью-Йорк, я встану возле аэропорта с плакатом: «Арбатова, гоу хоум из Америки!»

Короче, ждали меня с распростёртыми объятиями.

День первый

Мчась в Шереметьево по ухоженной Ленинградке, я вспомнила экзальтированного блогера, описавшего как, выйдя из аэропорта Кеннеди, он рухнул на лавочку и зарыдал оттого, что, наконец-то, дышит воздухом свободы. И лёгкие мои встрепенулись навстречу этому волшебному воздуху.

В недавнем перелёте из Парижа компанией «Эр-Франс» нам разломали чемоданы, и когда писали жалобу, администраторша вздохнула:

– Хуже Парижа только Нью-Йорк! Они вообще шлют в пакете куски чемодана с вещами вперемешку...

Я попросила покрепче забинтовать багаж, и упаковщик загерметизировал его плёнкой как ракету перед полётом в космос. Самолёт взлетел, и каждый пассажир от пяти до восьмидесяти выложил на столик перед собой по два, а то и три электронных гаджета. Исключение составил бритый под батон бычара, плюхнувшийся на четыре свободных места возле нас.

Имущества при нём были мобильник и борсетка; и пока самолёт катил по аэродрому, бычара полунормативно орал в мобильник, что, если три грузовика с его товаром не доедут до нужной точки, труп собеседника не опознают ни мама, ни бабушка, ни полиция, ни экстрасенсы.

Муж мой умеет спать в любой позе и при любом шуме, и я в одиночестве в сотый раз посмотрела «Крамер против Крамера», намекающий россиянину на то, что Черномырдин называл «здесь вам не тут». Все видели этот фильм об американской судебной системе, наживающейся на разводах, но не все знают, что люди устали кормить адвокатов, и если в 1960 году в браке состояло 72 % американцев, то сегодня только 49 %.

У нас при разводе можно не трясти грязным бельём, а у них необходимо представить веские основания – описать события и факты, подтверждающие нежизнеспособность брака. Американской судебной системе нельзя объявить, что развод – ваше личное дело, и при всех декларациях о защите частного пространства она сама будет решать, жить супругам дальше или нет. А если в семье дети, пара окажется в юридическом аду.

Закон, конечно, признает «право ребёнка на общение с обоими родителями, получение заботы и поддержки от обоих родителей, право на принятие решений, основываясь на опыте обоих родителей». Но в выигрыше окажется родитель, имеющий деньги на дорогого адвоката, лучше понимающий тонкости английского языка и местного законодательства.

А местное законодательство, принятое демократическим путём, и вовсе может запретить: охотиться на верблюдов; ловить с их спины рыбу; пугать голубей; будить спящих медведей; фотографировать кроликов в июне; наблюдать за американскими лосями с самолёта; уничтожать мышей без лицензии; носить ковбойские сапоги, не имея двух коров; использовать слонов для вспашки хлопковых полей; обувать ноги домашней скотины в ботинки; держать в ванне осла; демонстрировать рептилию на религиозных службах; сажать гориллу на заднее сиденье автомобиля; пересекать границу штата с уткой на голове; чавкать в ресторане; ходить по улице с развязанными шнурками; размахивать руками; бормотать на ходу; играть в домино и покупать матрас по воскресеньям; класть в метро на свободное место сумку; прыгать с небоскрёба; свистеть под водой; носить «козлиную бороду»; кусаться вставными зубами; готовить помидоры с моллюсками; разрисовывать американский флаг «горошком»; откусывать от чужого гамбургера; разговаривать в лифте; разбивать больше 3 тарелок в день; показывать фильмы, где полицейских бьют и толкают; ловить рыбу, не будучи замужем; оголять небритые женские ноги; плевать в присутствии женщин; смотреть на животных, совокупляющихся возле церкви, школы и общепита; целоваться дольше 5 минут; заниматься оральным и анальным сексом; хранить дома больше двух фаллоимитаторов и т. д.

Все эти экспонаты исторического музея могут быть применены судьёй в ходе процесса, а в силу их разнообразия в одном штате вас могут приговорить к смертной казни за то, за что наградят в другом. Почему нет смысла сравнивать американское правосудие с нашим, в принципе оно иное. В США даже существует премия для выигравших самые нелепые иски имени Стеллы Либек – 81-летней дамы, обжёгшейся в Макдоналдсе кофе и отсудившей за это 2 900 000 долларов.

Среди обладателей премии Кара Уолтон, выбившая два зуба, когда падала из окна клуба, пытаясь смыться, не заплатив 3,5 доллара. Суд обязал хозяина клуба выплатить пострадавшей 12 000 долларов за опасно устроенные окна и возместить расходы на зубы. Премией отмечена Эмбер Карсон, швырнувшая в спутника стакан с напитком и сломавшая копчик, поскользнувшись на этой луже. Ресторан, в котором они находились, выплатил за лечение и моральный ущерб 113 500 долларов.

Джерри Уильямс отсудил 14 500 долларов и компенсацию медицинских издержек за укусы собаки, извините, в задницу. Собака сидела на цепи за забором, а пострадавший сперва стрелял в неё из духового пистолета, а потом подставил задницу прямо через забор. Терренс Диксон не смог выйти из ограбленного им дома через гараж из-за захлопнувшейся двери; он просидел несколько дней в гараже, где хранился собачий корм и упаковка колы. Хозяев обязали выплатить ему за психологическую травму 500 000 долларов.

Водитель автомобиля переехал руку жителю Лос-Анджелеса Карлу Трумэну в момент, когда пострадавший свинчивал с колёс декоративные колпаки. Это обошлось водителю в 74 000 долларов плюс расходы на лечение. Катлин Робертсон Остина выиграла в суде 780 000 долларов у магазина, где сломала ногу, столкнувшись с собственным хулиганящим ребёнком. Мерв Гражинский путешествуя в домике на колесах, установил программную скорость 115 километров в час и пошёл варить кофе. Домик на колесах перевернулся, и Гражинский отсудил у производителя 1 750 000 долларов и новый автомобиль той же марки потому, что в инструкции не написали о возможности бросить руль.

И бесполезно анализировать это российскими мозгами, потому что в России, например, обожают иски с суммой в один рубль для защиты чести и достоинства. А американская судебная система заточена на деньги, и люди воспринимают коллективные суды как лотереи. Например, кто-то покупает пакет просроченного сока, ищет сто человек, имевших возможность купить тот же сок в том же супермаркете, и вовлекает их в судебное шоу.

В финале каждый «потерпевший» получает 5 долларов, истец получает больше, а адвокату выплачивается круглая сумма с процентом за каждого «потерпевшего». Наш человек трижды плюнет на пакет сока, но будет при этом считать американский суд, показанный ему Голливудом – эталоном справедливости, хотя американцы считают свой суд продажным и обожают перечислять его громкие постыдные приговоры.

Например, историю 51-летнего Джонатана Флеминга, приговорённого к пожизненному заключению и отсидевшего 24 года за убийство, хотя документы подтверждали, что он находился в момент убийства в другом штате. Но судья поверил свидетельнице, а через 24 года обнаружили настоящего убийцу и то, что свидетельница – наркоманка, давшая показания поговору с полицией.

Или историю Генри МакКолума и Леона Брауна, отсидевших 30 лет из пожизненного заключения за изнасилование и убийство 11-летней Сабрины Бюи. Проведенная через 30 лет экспертиза ДНК подтвердила их невиновность, и оказалось, подозреваемые признались в убийстве после пыток.

58-летний Рэй Хинтон из Алабамы просидел в «камере смертников» 30 лет по обвинению в убийстве двух менеджеров ресторана. Доказательством виновности стали найденные

пули. Бесплатный адвокат не нашёл эксперта по баллистической экспертизе, а на платного адвоката у Рэя Хинтона не было денег.

Рикки Джексон из Кливленда провёл в тюрьме 39 лет за убийство, а после этого выяснилось, что единственный свидетель отказался от показаний.

Просидевший 23 года за несовершенно убийство Уильям Лопес планировал окончание колледжа и юридической школы, но умер за несколько дней до суда по поводу компенсации.

Зато 45-летняя Тэмми Джейн Уорнер из города Лейк отделалась двумя годами тюрьмы. Больное горло мешало её мужу опохмелиться, и она сделала несчастному смертельную клизму из двух бутылок хереса. После чего уничтожила его завещание.

Американская судебная система принципиально иная, чем российская. Россияне недовольны низким процентом оправдательных приговоров, коррумпированностью судей и телефонным правом; а американцы недовольны тем же да ещё и ксенофобией судебной власти. Опрос The Washington Post и ABC News выявил в 2014 году несовпадение оценок судебной власти США белыми и чёрными. 52 % белого населения признали судебную систему предоставляющей равные права, а 89 % опрошенных афроамериканцев назвали её несправедливой по отношению к цветным.

Я не поклонница судов присяжных, как и любой коллективной ответственности. У нас они, к сожалению, возрождаются, а в США функционируют бесперебойно. «Русские американцы» объясняли мне, что, когда социально успешному приходит повестка об исполнении священного долга, он ищет довод, по которому не сможет быть объективным присяжным. Судят выходца из конкретной страны – полезно сказать судье, что вы состояли в браке с эмигрантом именно из этой страны. Речь о школе – надо наврать, что именно в школе вы получили тяжелейшие психологические травмы. Подсудимый гомосексуал – полезно объявить себя геєм или лесбиянкой и т. д.

Солидные фирмы оплачивают сотрудникам сидение в присяжных как рабочие дни, но если работа в это время накапливается, преданность правосудию уменьшается. А если работа не оплачивает слушания, госкомпенсация не выгодна. И основной контингент присяжных – безработные, пенсионеры и маргиналы. В результате американские суды – шоу для тех, кто жаждет бесплатных развлечений; ужас для тех, кто попал в жернова; и золотой дождь для адвокатов. Даже Солженицын, пожив в США, назвал американский строй «юрократией».

Десять часов, скрашенных нежной заботой «Аэрофлота», казались пыткой, и к приземлению я была в полной невменяемости. Да ещё МТС не включил мобильный впервые за годы путешествий по планете, а муж взял вместо мобильного айпад и ноут, так что сообщить о приземлении сыновьям и маман оставалось только по скайпу.

Мы двинулись по рукаву перехода в крупнейший международный аэропорт имени Джона Кеннеди, приготовив лёгкие для «воздуха свободы», однако толпа забуксовала, а из зала аэропорта донеслись вопли неприятной тональности. Тревожно переглядываясь, пассажиры перешли на черепаший шаг, и женский крик, с каким вцепляются в волосы, застучав мужа с лучшей подругой, стал приближаться с каждым черепашим шагом.

А когда коридор уперся в лестницу, ведущую в огромный зал перед пограничниками, источником звука оказалась сильно упитанная чёрная служащая в форме. Лестница, по которой мы могли спуститься в зал, прилетов, оказалась ещё и местом подъема для улетающих, ожидающих с противоположного конца зала. Упитанная хамка сортировала этим самым голосом оба пассажиропотока, и, судя по лицам прилетевших, никто не сталкивался со столь унижительной возможностью ступить на чужую землю.

«Воздух свободы» больше не рвался в лёгкие, как, впрочем, и обычный воздух, потому что при уличном пекле кондиционеры в зале прилёта почти не работали. Орущей регули-

ровщице помогали два не менее упитанных чёрных дебила, бессмысленно бегавших кругами с переговорными устройствами, извините, на задницах, из которых тёткин визг разлетался по залу, как из стереоколонок. Это бы трогательно смотрелось в африканской глубинке, где садится один самолёт в день, но мы прилетели в Нью-Йорк.

Я, конечно, видела результаты опросов, из которых следовало, что бо́льшая часть американцев искренне не понимают, зачем делать что-то, не касающееся прямых интересов жителей страны, но, думала, что, заплатив по 160 долларов за визу, мы обеспечили себе хоть какие-то условия прилёта. Хотя бы пластмассовые перегородки, отделяющие прилетевших от улетающих.

На первые ряды выгрузившихся из нашего самолёта напирали выгрузившиеся за ними, которым происходящее было не видно и не понятно. Люди стояли после десятичасового перелёта вплотную друг к другу с детьми и ручной кладью, но тётке это было фиолетово. Собрав нашу ошалевшую толпу, она перегнала её по лестнице в зал, как овчарка стадо овец, и начала тем же ором заталкивать на освободившуюся лестницу толпу улетающих.

Огромный зал перед пограничными будками был разлинован на горизонтальные полосы лентой, продетой в пластмассовые столбики. Чтобы попасть к пограничнику, предстояло пройти по этим полоскам километр, и толпа медленно двинулась к воздуху американской свободы, как пища по толстому кишечнику. Духота сгущалась, а орущая тётка добавляла в наш ленточный лабиринт пассажиров из Парижа, Стамбула, Токио... потом мы сбились, откуда.

Народ прибывал, становилось всё душнее, всё теснее и всё унижительней. Пограничных кабинок была уйма, но сотрудник сидел хорошо если в каждой пятой. Пассажиры бизнес-класса и граждане США метнулись в специально выделенные кабинки. В том числе соседствовавший с нами в самолёте бычара, сконцентрированный на грузовиках с товаром, из его последних воплей в мобильный стало ясно, что грузовики двигались по территории США.

А остальные остались в условиях экстремального туризма – купить воды невозможно; пробраться сквозь толпу, толкающую ручную кладь, к кабинам туалета – нереально. После новенького с иголки Шереметьева старый терминал аэропорта Кеннеди выглядел обшарпанным бомжатником. Умотанные перелётом дети сидели на грязном полу, но это никого не волновало, хотя на календаре было именно 1 июня – Международный день защиты детей.

За нами стояло несколько пожилых французов. Породистая старуха опиралась на палку, тяжело дышала, периодически совала под язык таблетку и смотрела на нахохлившегося старика жалобными слезящимися глазами. Загадка, как она выдержала этот уровень кислородного голодания, потому что я, годящаяся ей в дочки, а то и внуки, несколько раз чуть не хлопнулась в обморок. Во всём этом было что-то концлагерное.

Недалеко от нас мужчина за лентой начал кричать в мобильный, и я узнала в нём писателя Сергея Лукьяненко:

– Ни в одной стране мира, даже самой отсталой, я не видел, чтоб так измывались над людьми!

Мы перекинулись с ним матерными оценками ситуации и тем, насколько точно она отражает отношение США к своим и чужим. Выяснили, что живём в разных отелях, и ленточное движение к пограничникам развело нас по разные стороны. Американофилы потом объясняли это перегрузом терминала и высоким сезоном, ведь в июле на Нью-Йорк обрушиваются традиционные сорок градусов с жуткой влажностью. Но пыточный отстойник был создан не сезоном, а тем, что в аэропорту Кеннеди не хотели или не умели работать.

Наша приятельница, прилетающая на Книжную ярмарку годом раньше, после трёх часов подобной очереди упала в обморок. Очнувшись на каталке, она увидела над собой заботливые лица медиков и сотрудников аэропорта. Услышав её великолепный английский, заботливые лица попросили не подавать в суд и предложили пропустить русскую делегацию без очереди.

Так что запоминайте – лучшая защита от ньюйоркского аэропортного хамства сползти на пол и ждать парамедиков, положенных по американским законам каждому упавшему.

– Прошу тебя не скандалить! – сказал муж, когда нам, наконец, достался бритый налысо болтливый чёрный пограничник.

Но для скандала мне не хватало ни слов, ни сил. Видя толпу падающих с ног людей, пограничник повышал свой культурный уровень, подробно расспрашивая мужа не только о Книжной ярмарке, но и о содержании нашей книги. С остальными он беседовал так же неторопливо, видимо, рассчитываясь за вековые унижения африканского народа. Примерно как древнеримский раб, который, получив свободу, при первой же возможности обзаводился собственными рабами.

После болтливой пограничника нам достался неболтливый таможенник, этому всё было по фигуре, он полистал наши документы и гаркнул с ударением на первом слоге:

– Е.Д.А.?

Мы переглянулись, не понимая аббревиатуры «Е.Д.А», и он раздражённо изобразил пожирание собственного пальца. Мы отрицательно замотали головами, таможенник выхватил из стопки визовых бумажек нужную и сделал жест, означающий «валите отсюда». И мы повалили дышать воздухом американской свободы.

Потом нам объяснили, что у американской таможни нет ресурса искать запрещённые товары, и она останавливает только большие партии по наводке. А без наводки матрацы, набитые наркотой, вальяжно плывут в «плохие районы», чтобы перераспределиться оттуда по «хорошим районам».

При этом закон запрещал ввоз в страну – абсента, товаров из Афганистана, Ирака, Ирана, Ливии, Сирии и Судана, конфет с ликером, опасных лекарств, антиправительственных, агитационных и шпионских материалов, порнографии, лотерейных билетов, токсичных и отравляющих веществ, выкидных ножей, биоматериалов, домашних животных без международной ветеринарной справки, диких животных, вирусы, бактерии, улиток, летучих мышей, чучела животных, перья, кожу, пух, кости, яйца, черепахи панцири, китовый ус, кости африканских слонов моложе 100 лет и газовые пистолеты, похожие на огнестрел. А ещё ввоз «нестерилизованных продуктов жизнедеятельности человека или животного – крови, гноя, экскрементов». И уж не знаю, как там с «нестерилизованными продуктами жизнедеятельности», но всё перечисленное в США ввозили и продавали.

Поиск чемоданов в огромном аэропорту через два часа после прилёта отдельный аттракцион, особенно если пробыть до этого 10 часов в воздухе. Плохо соображая, мы копались в горах сваленного по всему залу багажа, пока не увидели свой почему-то стоящим возле туалета. Спасибо шерemetьевской герметизации – чемодан и сумка были целы и невредимы.

После 11 сентября полиция аэропортов США вправе срезать замки с подозрительного багажа и оставлять записку с извинениями. В аэропорту Кеннеди пропал даже чемодан с пистолетами охранников премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху – его случайно отправили в Лос-Анджелес, где обнаружили уже без пистолетов. И как ни пыжилось управление безопасности, виновных не нашли.

Мы двинулись к тележкам, которые, в отличие от бесплатных российских, стоили по 5 долларов и охранялись двумя чёрными амбалами в форме. Почему перемещение тысяч пассажиров контролировала орущая тётка с парой дебилов, а стадо тележек пасли два амбала, я так и не поняла. За 3 часа в аэропорту Кеннеди не было возможности дать восточку в Москву, и никто не отвечал на вопрос о вайфае. Мы поёрлись с багажом на тележке в зону вылета, и там немолодая чёрная сотрудница созналась, что в старом терминале вайфая нет. Это была первая встреченная нами вежливая и улыбчивая сотрудница аэропорта.

– Театр начинается с вешалки, страна – с вокзала или аэропорта! – заголосила я.

– Вечно ты всё преувеличиваешь, – откликнулся муж, словно что-то здесь можно было преувеличить.

Частный извоз в Нью-Йорке запрещён, но на нас немедленно налетели местные бомбилы с американским: «Такси, начальник! Куда ехать, командир?» Рожи у них были такие, что мы рванули со своей пятидолларовой тележкой в очередь к такси, и я пожалела, что нас не встречает Новодворская с плакатом: «Арбатова, гоу хоум из Америки!» Ей-богу, мне было что ей сказать!

Длинной очередью официального такси распоряжался чёрный парень с характерной наркоманской худобой и трясучкой. Завидев нас в хвосте, он предложил такси без очереди, видимо, тележка придавала нам весу, ведь в Америке экономят каждый цент, а парень рассчитывал на чаевые. Никто из находившихся впереди нас не возмутился, и это насторожило, ведь мы ещё не знали, что американцам всё по фигу, и решили, что парень самостоятельно контролирует очередь, зарабатывая на дозу.

Когда подошла очередь, парень определил нас в жёлтый пикап и сунул листовку с телефоном, по которому жалуются на обслуживание. Таксист газанул, показалось, что жизнь налаживается, но... я поскорее опустила окно и спросила мужа:

– Сейчас я опять преувеличиваю?

– Сейчас нет, – кивнул муж и открыл своё окно.

Водитель ньюйоркского такси отделен от пассажиров стенкой с прозрачным пуленепробиваемым окошечком. Ему было нормально, но пол нашей части машины кто-то использовал как туалет, и стоял невыносимый запах мочи. Чтобы выжить, я выдвинула голову в окно. С этой позиции отлично просматривалось зеркало над водителем, его сонное, немного детское лицо, и то, как он держит левой рукой руль, а правой всё время запикивает что-то в рот. Сперва гамбургер, высунувший зелёный язык салатного листа, потом орешки в ярком пакете и, наконец, шоколадный батончик с мультишкой на упаковке.

Мы пролетели мимо неказистых домиков Квинса, где в убогой квартирке «русского квартала» жил Довлатов, не подозревавший, что 63rd Drive однажды переименуют в Sergei Dovlatov Way. Нью-Йорк встречал нас хамской работой аэропорта, унылыми промзонными пейзажами, крупными ржавыми мостами и бесстыдным запахом мочи. Это было как-то уж слишком литературно, слишком по-довлатовски. Я представляла себе въезд в Нью-Йорк на огромной плавной «Краун-Виктории», считавшейся прежде символом города, но муниципалы начали менять их на экономичные тупорылые японки.

Несмотря на слухи о качестве американских дорог, из аэропорта до отеля ехали по чему-то невозможному – дырка на дырке, латка на латке, штопка на штопке. Где-то шёл ремонт, а где-то казалось, только закончилась бомбежка. Дороги в Нью-Йорке не асфальтируются, а складываются из плит цементобетона, замазываются на стыках, и машина скачет как заяц.

Говорят, хороши шоссе между штатами, но мы всю неделю тряслись по внутриньюйоркским швам, заплаткам и колдобинам. Шутят, что национальная идея русского «своровать на постройке дороги, чтобы купить дорогую машину и убить её за сезон этой плохой дорогой». У американцев с этим так же.

90 % таксистов Нью-Йорка – свежие эмигранты. Наш водитель с заспанным детским лицом оказался бенгальцем, как и мой муж. Выглядел он замученно, видимо сидел за рулем дольше времени, позволенного законом, и всё время жевал, чтобы не заснуть. Позже нам рассказали, что «медальон» – право зарабатывать эксплуатацией такси – стоит больших денег. Чтобы окупить его, оформляются подставные лица, а водителей держат на дороге сутками. Такси в Нью-Йорке в основном принадлежит индийцам, и за рулём масса парней из Индии и Бангладеш.

Путь к отелю не впечатлил – замурзанные спальные районы с тротуарами, усыпанными упаковками, обедками и одноразовой посудой, напоминали чёрные районы Лондона. Пометавшись по совершенно одинаковым улицам с высокими скученными зданиями, машина затормозила. Из-под строительных лесов, облепивших отель, поблескивали обещанные сайтом позолоченные мужики со светильниками в руках. Мы безуспешно искали на бордюре пандус для чемоданов и стали биться в огромную золоченую дверь «Империял Корта».

Она весила тонну и работала с яростью исправной гильотины. Пока я держала её всей тушкой, муж втискивал чемоданы, потому, что проникнуть в отель с вещами поодиночке было нереально. В предбаннике пылились позолоченные тележки, имеющие чисто дизайнерскую ценность – затащить такую в дверь с вещами сумел бы только Шварценеггер. Да и то в лучшие годы. Зато мраморное фойе с изумительными витражными потолками подтверждало обещания сайта, а из-за стойки поднялся молодой красивый мексиканец.

– Вайфай?! – проорали мы хором.

– Только в номере. Десять долларов в сутки.

Отмечу, что в России я не видела гостиницы, где бы не было бесплатного вайфая в фойе или в баре. Заплатив 10 долларов, поехали в старинном деревянном лифте с изысканным кафелем на полу и прошлись по коридору в стиле ар-деко. Номер встретил мебелью красного дерева под старину, гобеленовыми покрывалами и занавесками. Маленькая кухонька сияла чистотой, ванная была набита шампунями и полотенцами. Нью-Йорк загадочно улыбался за окном, мы связались по скайпу с Москвой и рухнули спать.

Когда я проснулась, за окнами было темно. Мозг потихоньку восстанавливался после перелёта, и если при заселении номер читался как набор уютных цветowych пятен, то теперь глаз выпцплял его неожиданные особенности.

Первая особенность состояла в том, что подушка сползла на пол в дизайнерский зазор между спинкой кровати и матрасом. Догнав её, я перевернула наволочку наизнанку и стала думать, прибить подушку на ночь гвоздями или приклеить скотчем? Муж спал на двух подушках, не пролезающих в зазор, и снова заметил, что я всё преувеличиваю.

От перенапряга и поездки в такси на сквозняке дико болело горло, и намотав на шею шарф, я засуетилась на тему горячего чая. В Америке пьют не чай, а кофе, колу, молоко и соки. То, что они считают чаем, в основном пойло со льдом или оздоровительная трава со вкусом веника, так что чай взяли из дома.

В отеле не кормили завтраком, но предлагали раковину, разделочный столик, кофеварку, микроволновку и шкафы с посудой. Набор термостойкой пластмассовой посуды состоял из одной глубокой тарелки, двух мелких, одной миски и двух кофейных чашек объёмом с аптечные мензурки. К этому прилагались две суповые ложки и две вилки. На кухню какой страны это было рассчитано, мы так и не поняли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.